

В центре биологических дискуссий К столетию со дня рождения К.М. Завадского (1910–1977)

Э.И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
ekolchinsky@yandex.ru

Анализируется роль Кирилла Михайловича Завадского в борьбе с лысенковщиной, в развитии и пропаганде в нашей стране синтетической теории эволюции (СТЭ). Каждая крупная его работа вызывала жесткие дискуссии и резкие возражения со стороны идейных противников. Их нападки усилились после назначения Завадского в 1952 г. и.о. заведующего кафедрой дарвинизма ЛГУ вместо И.И. Презента. С тех пор он стал объектом злобной критики и клеветы со стороны Т.Д. Лысенко и его подручных, не раз обращавшихся в партийно-государственные органы с требованием приструнить, наказать и уволить Завадского как врага мичуринской биологии и проводника чуждых западных идей и концепций. Сочетая в своем лице ученого и организатора, педагога и ученика, экспериментатора и теоретика, он успешно работал как биолог-эволюционист, историк науки и философ биологии. Завадский внес существенный вклад в экспериментальное изучение движущих сил эволюции (борьбы за существование и естественного отбора) и структуры популяций растений, разработал оригинальную концепцию вида и видообразования, предложил классификацию основных уровней организации живого, выделил критерии и закономерности прогресса, а также исследовал основные этапы развития эволюционной идеи от Ч. Дарвина до 1970-х гг. В 1947–1977 гг. Завадский тесно сотрудничал со многими отечественными биологами, чьи работы составляют гордость российской науки, которые ценили не только его труды, но и усилия по институционализации эволюционных исследований в СССР.

Ключевые слова: Завадский Кирилл Михайлович, Ленинградский университет, Институт истории естествознания и техники, синтетическая теория эволюции, история биологии.

Воспитанный в сложной и противоречивой обстановке ожесточенных дискуссий в отечественной биологии конца 1920–1930-х гг. Кирилл Михайлович Завадский (1910–1977) всегда был готов к творческому обсуждению любых научных концепций, оставаясь в рамках доброжелательного отношения к людям, демонстрируя постоянную готовность учиться и оказать помощь каждому нуждающемуся в ней. Это привлекало к нему не только начинающих исследователей, но и многих зрелых ученых. После смерти И.И. Шмальгаузена в 1963 г. Завадский фактически стал лидером отечественной школы биологов-эволюционистов, организатором многих конференций, симпозиумов, семинаров, а также сборников и коллективных монографий.

Учитывая, что основная канва жизни и деятельности Завадского недавно была подробно рассмотрена в обширной статье (Колчинский, 2008), в данном материале внимание сосредоточено главным образом на его борьбе с лысенковщиной в период заведования кафедрой дарвинизма в ЛГУ (1951–1964) и усилиях по возрождению и развитию эволюционной теории в нашей стране в последующие годы. При этом используется архивный материал, впервые вводимый в научный оборот.

Начало противостояния

К.М. Завадский, эвакуированный из блокадного Ленинграда 2 февраля 1942 г., оказался в Киргизии, где был связан с сельскохозяйственным производством. В 1944 г. он начал сбор материала о влиянии отбора на конкурентоспособность растений на полях яровой пшеницы. Первые результаты показали, что, несмотря на огромную гибель и стерильность растений, немногие выжившие экземпляры прошли жесткую селекцию и оказались плодовитыми, то есть «победили» в борьбе за существование в условиях сильно загущенных посевов, что расходилось с учением Т.Д. Лысенко об отсутствии внутривидовой борьбы за существование¹. После возвращения в Ленинград Завадский вместе с Л.С. Глазуновой продолжил эти исследования во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР) на опытных полях в Пушкине под Ленинградом. Это привело к открытому противостоянию с Лысенко.

Поводом послужила защита К.М. Завадским 8 января 1948 г. кандидатской диссертации «Влияние густоты насаждений на изменение численности и рост кок-сагыза». 23 февраля 1948 г. Ученый совет ЛГУ под председательством и.о. ректора Ю.И. Полянского утвердил Завадского в ученой степени кандидата биологических наук². Практически его работа была выполнена в рамках программы В.Н. Сукачева об экспериментальном изучении борьбы за существование в условиях загущения (Галл, Гаузе, 1983, с. 207–210). В ней экспериментально опровергались лысенковские утверждения об отсутствии внутривидовой конкуренции и доказывалась её ведущая роль в селективных процессах. Новизна предложенного Завадским подхода заключалась в рассмотрении вопроса о перенаселении как части более широкой проблемы динамики численности популяции. Он постарался выяснить суть явления перенаселения, установил его критерии, предложил классификацию его форм. Были обнаружены три различных следствия перенаселения: избирательная элиминация и естественный отбор, адаптивное реагирование растений путем торможения ростовых процессов и общая элиминация растений и образование «кольцевых насаждений». На основании опытов с кок-сагызом Завадский экспериментально доказал селективное значение перенаселения, обосновал положение о ведущей роли внутривидовой конкуренции в процессах естественного отбора. Кроме того, он установил важные для физиологов показатели оптимальной густоты насаждения, признаки угнетения, проанализировал характер адаптивных реакций растений на загущения, нейтрализующих его отрицательное действие. Описав разнообразные типы реакций растений в условиях

К. М. Завадский, 1934 г.
(Фотография из архива
СПбФ ИИЕТ РАН)

¹ До этого К.М. Завадский, как и многие другие далекие от генетики отечественные биологи, считал Лысенко оригинальным исследователем, создателем теории яровизации растений.

² ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 75. Л. 1.

перенаселения и его различные эволюционные последствия, Завадский зарекомендовал себя как оригинальный теоретик (Завадский, 1948а).

Эта экспериментальная работа вызвала резкое недовольство Т.Д. Лысенко, так как была выполнена на кок-сагызе, опыты с которым лысенковцы использовали как аргумент в споре с дарвинистами. Особенно Лысенко возмущало, что она была сделана на полях подведомственного ему института, да ещё сотрудником кафедры дарвинизма, которой заведовал его главный идеолог и соратник И.И. Презент. Лысенко вызывал Завадского к себе в Москву, настаивал на изменении выводов диссертации, требовал от Презента приструнить «зарвавшегося» подчиненного. Однако Презент не препятствовал Завадскому, хотя понимал, что после войны он превратился в идейного противника и в дискуссиях о борьбе за существование в 1946–1948 гг. поддерживал главных оппонентов Лысенко — В.Н. Сукачева и И.И. Шмальгаузена. Сама обстановка послевоенных дискуссий и положение в ЛГУ заставляли И.И. Презента лавировать. Во главе университета тогда стоял генетик и эволюционист Ю.И. Полянский, хорошо знавший и поддерживавший Завадского и уже согласовавший с заведующим отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Ждановым увольнение Презента из ЛГУ, а деканом биологического факультета был генетик и эволюционист М.Е. Лобашёв. Да и подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава университета открыто выражало недовольство деятельностью Презента. В 1934 г. его уже вынудили уйти с факультета, и вернуться туда после войны он смог только за счет поддержки Лысенко, гибкости убеждений и интриг.

24 января 1948 г. В.Н. Сукачев писал Завадскому, что И.И. Шмальгаузен очень просит Завадского прибыть на конференцию МГУ по дарвинизму и что «все очень хотят выслушать ваш доклад»³. Не надеясь на почту, Сукачев посылает письмо для скорости с оказией. К сожалению, Завадский не смог участвовать в работе конференции, так как Презент запретил ему ехать в Москву, но результаты его исследования заняли одно из центральных мест в развернувшейся на ней дискуссии. В своем докладе В.Н. Сукачев привел их как главный аргумент против псеводарвинизма, а тезисы Завадского были опубликованы в материалах конференции (Завадский, 1948б). Оргкомитет пригласил его участвовать в работе следующей конференции, запланированной на январь 1949 г., где главной проблемой должна была стать проблема вида и видообразования⁴.

В мае 1948 г. член-корреспондент АН СССР А.П. Шенников так охарактеризовал эту работу: «Это экспериментальное исследование по своей продуманности и обстоятельности, по массе анализируемого материала, по обоснованности выводов — представляет собой несомненно выдающееся явление в области экспериментальной фитоценологии и имеет крупное научное и практическое значение. Важнейшие главы этого труда в настоящее время приняты для напечатания в различных изданиях. Производимые ныне К.М. ЗАВАДСКИМ экспериментальные исследования представляют настойчивую и последовательную разработку вопросов эволюционной биологии растений»⁵. Аналогичную оценку дал другой крупный ботаник — С.Я. Соколов, отметив огромное общебиологическое значение диссертационного исследования Завадского, выполненного на ряде культурных и диких растений: «...Чрезвычайно широкое опыты, которые провел автор с посевами и посадками кок-сагыза, его опыты по изучению борьбы за существование у пшеницы, опыты в зарослях камыша, наблюдения над лебедой и прекрасное использо-

³ См. в этом журнале. С. ____

⁴ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 66. Л. 48.

⁵ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 71. Л. 9–9об.

И.И. Презент, В. И. Разумов, К. М. Завадский на кафедре дарвинизма ЛГУ, 1948 г.
(Фотография из архива СПбФ ИИЕТ РАН)

вание специальной литературы, позволили ему дать в этой работе рассмотрение общей методики экспериментальных работ по изучению борьбы за существование и высказать свои суждения по многим основным понятиям фитоценологии»⁶.

25 июня 1948 г. члены Ученого совета биологического факультета, возглавляемого М.Е. Лобашёвым, проголосовали за избрание Завадского доцентом кафедры дарвинизма⁷. В заключении конкурсной комиссии, в которую входили члены-корреспонденты АН СССР О.Д. Львов и Н.А. Наумов, а также профессор О.Н. Радкевич, особо подчеркивалось, что «если в первый период своей деятельности К.М. Завадский почти исключительно занимался научно- пропагандистской работой», нашедшей отражение в многочисленных статьях научно-популярного характера и огромном количестве лекций, то в позднейшие годы он «с большим увлечением принялся за экспериментальные исследования и в короткое время добился и в этой области серьезных результатов»⁸. Указывалось также: «Это экспериментальное исследование по своей продуманности и обстоятельности, по массе анализируемого материала, по обоснованности выводов, несомненно, выдающее явление в области экспериментальной фитоценологии и имеет крупное значение...»⁹. В 1948 г. Завадский был избран членом Общества по распространению политических и научных взглядов и неоднократно выступал с лекциями в Центральной лектории «Знание» на Литейном проспекте, а также в различных аудиториях, клубах заводов, районных Дворцах культуры и во Дворце пионеров, и особенно часто перед педагогами в Институте усо-

⁶ ПФА РАН. Ф. 1113. Л. 7.

⁷ В состав Совета тогда входило 12 членов АН СССР, ВСХНИЛ и АМН СССР. Из 26 членов Ученого Совета, участвовавших в голосовании, 23 проголосовали «за», против были только трое. Характерно, что Презент не участвовал в этом заседании Совета (ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 75. Л. 5–6).

⁸ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 75. Л. 7.

⁹ Там же.

вершенствования учителей¹⁰. Только в 1948 году он прочитал 36 лекций¹¹. Выпадали и подлинные пики лекционно-педагогической нагрузки, когда помимо лекций в ЛГУ в течение месяца читался полный курс дарвинизма в ВИРе и Всесоюзном институте защиты растений ВАСХНИЛ, а также в Карело-Финском университете.

Но вскоре педагогическая нагрузка резко снизилась, а документы на присвоение ему звания доцента не были отправлены в ВАК. В августе 1948 г. состоялась сессия ВАСХНИЛ. Статьи Завадского из редакций ведущих биологических журналов были возвращены. Презент устроил настоящий террор на факультете, добившись увольнения своих главных противников Э.Ш. Айрапетянца, Н.Л. Гербильского, М.Е. Лобашёва, Г.А. Новикова, Ю.И. Полянского, П.Г. Светлова и других. С поста директора Биологического НИИ (БиНИИ) был освобожден С.В. Солдатенков, а от заведования кафедрой зоологии позвоночных — П.В. Терентьев. Наблюдались случаи открытого глумления над уважаемыми профессорами. У ряда кафедр были отобраны помещения и ставки. Кафедра же дарвинизма напротив — заняла помещение в 572 кв. м и имела штат свыше 50 человек.

Первоначально планировалось и увольнение Завадского, однако, в конечном счете ограничились запретом работать со студентами и аспирантами. Но Завадский был нужен Презенту как раз для того, чтобы он неофициально читал лекции и руководил дипломными проектами, а часы за работу приписывали могущественному начальнику и его приближенным. Кроме того, Завадский был нужен как главный автор и редактор хрестоматии по дарвинизму, подготовка которой была поручена Презенту. При этом Презент, окруживший себя собранными со всей страны малограмотными «творцами мичуринской биологии», всячески блокировал возвращение Завадского на должность доцента. Даже диплом кандидата биологических наук был ему выписан только 9 апреля 1949 г., когда «охота» за явными и скрытыми врагами мичуринской биологии стала терять остроту¹². А вот публикация статей по теме диссертации затянулась на десятилетие. 7 января 1950 г. ВАК утвердил Завадского в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «Биология развития растений»¹³. Числясь в БиНИИ ЛГУ в Петергофе и не имея возможности экспериментально изучать борьбу за существование, Завадский занялся изучением внутриклеточного образования меристемы адвентивных почек, способов усиления функций вегетативного размножения листьями, получением множества побегов на неповрежденных листовых пластинках.

Вместе с тем Завадский по совместительству проводил семинары по дарвинизму для аспирантов ВИР и ВИЗР ВАСХНИЛ, в Отделе аспирантуры АН СССР, на кафедре философии. Впоследствии он руководил методологическими семинарами в Институте физиологии, в БИН, ЦИН и в Институте эволюционной физиологии и биохимии животных АН СССР, читал лекции в Институте усовершенствования учителей, на Всесоюзном семинаре заведующих кафедрами общей биологии и философии медицинских институтов. И везде его лекции и семинары пользовались огромным успехом, что определялось живым, неформальным отношением к ним. Например, участвуя в методологической работе Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР, Завадский не раз выступал с докладами, рецензировал и консультировал десятки диссертаций и

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 76.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 1113. Л. 21.

¹² ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 75. Л. 2–3.

¹³ ПФА РАН. Ф. 1113. Л. 20.

научно-обзорных статей, руководил и подготовкой докладчиков на аспирантских конференциях и многое другое. Об этом писал в 1953 г. академик К.М. Быков, характеризуя Завадского как широко эрудированного научного работника «в области теоретических вопросов биологии и физиологии»¹⁴.

Схватка с И.И. Презентом

К началу 1950-х гг. период «мирного сосуществования» подходил к концу. Презент, ставший после августа 1948 г. деканом биологического факультета и заведующим кафедрой дарвинизма в МГУ, редко появлялся в ЛГУ, выполнял только часть положенной педагогической нагрузки, львиная доля которой падала на «руководство аспирантками». В условиях постоянного срыва Презентом основных курсов, Завадского все чаще привлекали к проведению семинарских занятий, к чтению лекций по дарвинизму на биолого-почвенном и философском факультетах, к руководству мичуринским семинаром-конференцией аспирантов, к приему зачетов, экзаменов. Несмотря на запрет на преподавательскую работу, Завадский уже в 1949 г. прочитал свыше 350 лекций в разных аудиториях по вопросам дарвинизма, общей биологии и агробиологии. Все часы официально записывались Презенту.

Вскоре ученые биолого-почвенного факультета, поддержанные ректором университета А.А. Илюшиным, начали борьбу против Презента¹⁵. Они не желали терпеть ни его постоянные интриги, ни превращения кафедры дарвинизма в кафедру антидарвинизма. К тому времени положение Презента в окружении Лысенко, где постоянно шла ожесточенная «внутривидовая борьба», тоже пошатнулось. В набиравшей обороты борьбе с космополитизмом позиции Презента были особенно уязвимы. Его правая рука и заведующая лабораторией биологии развития животных В.В. Рольник была «разоблачена» как космополит и исключена из партии.

6 марта 1951 г. президиум Ученого совета ЛГУ принял развернутое постановление по результатам проверки кафедры дарвинизма, в котором отмечались серьезные упущения в научно-исследовательской работе, преподавании и подготовке научных кадров, а также в подборе сотрудников¹⁶. Рекомендовался и перевод Завадского на преподавательскую работу, однако Презент по-прежнему держал его в «подвешенном состоянии», сохраняя в статусе научного сотрудника, но заставляя при этом нести огромную часть педагогической нагрузки за самого Презента и его друга М.П. Виноградова, а также выполнять основную редакторскую работу по подготовке хрестоматии по дарвинизму¹⁷. Только после вмешательства ректората 31 августа 1951 г. Презент подписал

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 70. Л. 21.

¹⁵ В разгар перестройки был ряд публикаций об изгнании И.И. Презента из университета, поданный вне реального социально-политического контекста событий, с позиций концепции «героев и злодеев российской науки» (Гаген, 1989; Гинецинская, 1991). На самом деле весь корпус материалов свидетельствует, что его удалось уволить с помощью сложившихся к тому времени способов расправ с оппонентами: комиссии, письма в партийные органы, обвинения в политических преступлениях и т.д. В общем, на войне как на войне.

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. О деятельности К.М. Завадского в 1945–1967 гг. Л. 92–96.

¹⁷ Там же. Л. 97–98.

ходатайство в Ученый совет факультета об избрании Завадского доцентом кафедры, в котором очень сдержанно привел подобающие по ритуалу слова, подчеркивая большой педагогический опыт Завадского и игнорируя его научную работу¹⁸. Свое ходатайство он закончил неожиданной просьбой о том, чтобы учли, что именно Презент предложил избрать Завадского доцентом. 1 октября 1951 г. Завадского перевели на должность доцента кафедры дарвинизма¹⁹. Представление на звание доцента на этот раз подписали декан биолого-почвенного факультета Н.В. Турбин и секретарь партбюро, доцент кафедры дарвинизма Л.Е. Ходьков²⁰.

Противостояние Презента и ученых факультета достигло апогея. Все понимали, что вопрос стоял о «жизни и смерти» для каждого вышедшего на тропу войны с главным идеологом мичуринской биологии. В многочисленных справках, подготовленных деканом и ректоратом для комиссий райкома и обкома, на запросы из ЦК КПСС, Презенту инкриминировали уже развал научной и педагогической работы, приписывание часов занятий, прием на работу в лаборатории физиологии растений и физиологии развития сотрудников, непригодных к научной работе²¹. Его обвиняли в двурушничестве, антимарксизме, троцкизме, связях с Н.И. Бухариным и другими «врагами народа», космополитизме, в попытках приписать себе главную роль в разработке мичуринской биологии, в высказываниях, порочащих В.И. Ленина и принижавших научное значение трудов И.В. Сталина и Т.Д. Лысенко, в восхвалении достижений зарубежных ученых и игнорировании отечественных, в развале работы кафедры, очковитирательстве, насаждении подхалимажа и зажиме критики, в семейственности, бытовом разложении, принуждении к сожителству студенток и аспиранток. Указывалось, что на кафедре Презент принимал, прежде всего, родственников, включая жену, знакомых евреев, не имеющих никакого отношения к биологии.

Для любого другого подобных обвинений было бы достаточно, чтобы, по меньшей мере, надолго поселиться в ГУЛАГе. Но Презент 15 ноября 1951 г. был только уволен из университета, а затем исключен из партии. Некоторое время Н.В. Турбин заведовал кафедрой дарвинизма, которую сократили на 20 человек, включая всех сотрудников лабораторий, и изъяли более двух третей помещений²². Старались выжечь «дух презентовщины». Студенты философского факультета, сдавшие весной курс дарвинизма Презенту, должны были заново прослушать тот же курс у К.М. Завадского, а курс общей биологии вместо И.И. Презента стал читать эмбриолог Б.П. Токин.

К.М. Завадский оказался в центре борьбы ученых ЛГУ с И.И. Презентом, будучи одним из инициаторов его отстранения от преподавания. В феврале 1952 г. ему поручили заведовать кафедрой дарвинизма. Вскоре произошла смена декана факультета, его возглавил член-корреспондент АН Армянской ССР (а впоследствии академик АН СССР) А.Л. Тахтаджян, уволенный после августовской сессии ВАСХНИЛ из Ереванского университета и, конечно, относившийся к Презенту сугубо отрицательно. В представлении от 17 июня 1952 г. Тахтаджян отмечал, что в короткий срок Завадский разработал

¹⁸ Там же. Д. 75. Л. 9.

¹⁹ Там же. Д. 65. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 70. Л. 22.

²¹ ПФА РАН. Ф. 1113. Незабранная часть архива. Дело без номера. Об увольнении И.И. Презента из ЛГУ. Л. 1–6. 9–36.

²² ПФА РАН. Ф. 1113. Незабранная часть архива. Дело без номера. О работе кафедры дарвинизма. Л. 11–12.

Аспиранты Всесоюзного института растениеводства. Лекции по дарвинизму.
1949 январь — 1952 г. (Фотография из архива СПбФ ИИЕТ РАН)

новую программу по дарвинизму для университетов и первую в СССР программу по курсу «История биология»²³. Завадский был утвержден заведующим кафедрой 1 августа 1952 г. начальником Главного управления Министерства высшего образования СССР М.А. Прокофьевым²⁴, с которым ему в дальнейшем пришлось много сотрудничать, отстаивая интересы кафедры, разрабатывая учебные программы, а также при подготовке учебника по дарвинизму. Практически сразу Ученый совет биолого-почвенного факультета ЛГУ рекомендовал К.М. Завадского в докторантуру АН СССР²⁵.

Завадский активно взялся за перестройку научной и преподавательской работы на кафедре, за ликвидацию порядков, введенных Презентом. Из записок, направленных в феврале—декабре 1952 г. М.А. Прокофьеву, А.Д. Александрову, А.Л. Тахтаджяну и др., видно, сколько сил и энергии было потрачено Завадским на сохранение самой кафедры, ее учебных планов, аспирантуры и специализации студентов²⁶. В дальнейшем он не раз обращался в министерство, доказывая необходимость коренной реорганизации преподавания дарвинизма в университетах и педагогических вузах страны и развертывания исследований по эволюционной тематике на качественно новом уровне с использованием достижений генетики и экологии²⁷.

В то же время Завадский был связан в вопросах кадровой политики. Хотя многие сотрудники, набранные Презентом по признакам личной преданности, были уво-

²³ Там же. Д. 70. Л. 26.

²⁴ Там же. Д. 62. Л. 6–6об.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 11113. Д. 75. Л. 21.

²⁶ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. О работе кафедры дарвинизма Л.1–15.

²⁷ Там же.

лены, интересы оставшихся были далеки от проблем эволюционной теории: чл.-корр. ВАСХНИЛ В.И. Разумов занимался физиологией фотопериодизма растений; профессор С.И. Боголюбский — селекцией яйценоскости у птиц; доцент Л.Е. Ходьков — селекцией клевера и ячменя, И.И. Новиков — гистологией и цитологией животных и так далее. Большинство из них оставались сторонниками агробиологии. Завадскому удалось добиться перевода на кафедру дарвинизма А.М. Горобца, ставшего заведующим экспериментальной лабораторией и его главным помощником в административных делах, но занятия Горобца биологией прорастания семян томата также были далеки от эволюции.

Противостояние лысенковщине

Изгнание Презента из ЛГУ совпало с новым раундом борьбы с лысенкоизмом, который на этот раз инициировали ботаники. Для подрыва монополии Т.Д. Лысенко директор БИН П.А. Баранов использовал провозглашенный в докладе Г.М. Маленкова на XIX съезде КПСС (октябрь 1952 г.) тезис о том, что наука не может свободно развиваться без критики и самокритики. На страницах «Ботанического журнала» и «Бюллетеня МОИП», редколлегию которых возглавлял учитель К.М. Завадского В.Н. Сукачев, в 1952 г. впервые с августа 1948 г. прозвучала публичная критика воззрений Лысенко на вид и видообразование (Турбин, 1952).

В этих условиях Лысенко старался всеми способами спасти своего идеолога, и потребовалось почти три года борьбы, чтобы университет смог считать себя победителем (Колчинский, 1990, 1994; Гинецинская, 1991). В 1952 г. деканату биолого-почвенного факультета пришлось готовить большую «Справку о работе кафедры дарвинизма» в связи с обращением А.Г. Лазаревой к И.В. Сталину о преследованиях академика И.И. Презента противниками мичуринской биологии²⁸. Вскоре после смерти И.В. Сталина Презенту удалось восстановиться в партии и, используя обширные связи, добиться приказа Главного управления университетов Министерства культуры о своем возвращении в прежнюю должность и увольнении К.М. Завадского²⁹. Но ректорат, вернув ненадолго Презента, вскоре вновь его уволил за нарушение трудовой дисциплины.

Самому Кириллу Михайловичу не раз пришлось обращаться с письмами в вышестоящие инстанции, включая первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, который в мае 1954 г. на партактиве г. Ленинграда потребовал от ректора ЛГУ А.Д. Александрова уволить К.М. Завадского и восстановить на работе И.И. Презента. Черновики этих писем сохранились в архиве³⁰. В них Кирилл Михайлович постоянно подчеркивал, что готов освободить место для достойного кандидата, но «несправедливо и незаконно освобождать меня от работы в связи с восстановлением в должности И. Презента»,

²⁸ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. Об увольнении И.И. Презента из ЛГУ. Л. 1–6.

²⁹ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. О деятельности К.М. Завадского в 1945–1967 гг. Л. 113–115.

³⁰ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. О деятельности К.М. Завадского в 1945–1967 гг. Л. 97–98; Дело без номера. Об увольнении И.И. Презента из ЛГУ. Л. 8–8об.

который полностью дискредитировал себя как ученый, руководитель и человек. Завадский докладывал о травле Презентом Н.Л. Гербильского, В.А. Догеля, В.Л. Комарова, М.Е. Лобашёва, Ю.И. Полянского, П.Г. Светлова, В.Н. Сукачева, А.П. Шенникова, Б.К. Шишкина и других ученых, осмелившихся критиковать его аморальные действия, о разлагающем влиянии Презента на молодежь, о его требованиях безоговорочной поддержки и угрозах «стереть в порошок» каждого, выступившего против него. Несмотря на указание Хрущева, Презент не вернулся в университет. В его трудовой книжке была лишь изменена формулировка причин увольнения. В соответствии с приказом министерства отменялся приказ ректора об увольнении Презента за нарушение дисциплины. Его уволили в связи с переходом на другую работу.

К.М. Завадский в 1954–1955 гг. стал деканом биолого-почвенного факультета. Он стремился расширить прием студентов на факультет, восстановить экспериментальную базу в Петергофе, ратовал за приобретение нового оборудования для лабораторий. Организационная деятельность мешала научной работе, в том числе и подготовке докторской диссертации «Густота травостоя как объект экспериментальной работы в связи с теоретическим и практическим значением этой проблемы». Готовность консультировать ее выразил В.Н. Сукачев в письме на имя ректора ЛГУ от 26 мая 1954 г.³¹

Возглавив одну из двух главных в стране кафедр дарвинизма, Завадский активно включился в борьбу против самого Лысенко. Первое столкновение произошло в связи с нападками последнего на учение А.Н. Северцова, объявленного им «ненаучным», «идеалистическим» и «метафизическим». В январе 1953 г. Завадский выступил на Ученом совете биолого-почвенного факультета с докладом в защиту Северцова, который позднее был опубликован и прочитан на Всесоюзном совещании в АН СССР (Завадский, 1953). Впоследствии ученики и последователи А.Н. Северцова, например Б.С. Матвеев, не раз благодарили Завадского за эту мужественную поддержку. Статья положила начало серии публикаций по проблемам макроэволюции, внесших существенный вклад в учение Северцова–Шмальгаузена о главных направлениях эволюции, критериях ароморфоза, ароморфных популяциях и так далее (Завадский, 1958). В связи с этим Завадский высоко оценил концепцию Дж. Хаксли о магистральном прогрессе и способствовал ее внедрению в отечественную эволюционную теорию. Им была выдвинута плодотворная идея об органической эволюции как сопряженном процессе, одновременно протекающем в рамках четырех основных форм организации живого (организм, вид, биоценоз, биосфера) (Завадский, 1966).

Завадский с орхидеей. 1950 г., Сочи.
(Фотография из архива
СПбФ ИИЕТ РАН)

³¹ См. с. _____

Выступив в 1952 г. в защиту взглядов В.Л. Комарова о виде, Завадский высказал намерение включиться в создание современного учения о виде (Завадский, 1952). В январе 1954 г. он организовал в рамках руководимого им философского семинара биолого-почвенного факультета большую дискуссию по проблемам вида и видообразования. Она привлекла внимание многих ученых резкой критикой утверждений Лысенко о превращении пеночки в кукушку, пшеницы в рожь, ели в сосну, березы в ольху, а граба в лещину. Дискуссия проходила в актовом зале университета. С центральным докладом выступил Н.В. Турбин. Во вступительном слове и в прениях Завадский показал не только научную несостоятельность воззрений Лысенко, но и резко выступил против насильственного насаждения взглядов отдельных ученых в качестве абсолютной истины и административных способов воздействия на оппонентов (Завадский, 1954).

К этому времени отдельные выступления против Лысенко переросли во фронтальную борьбу ученых, включая руководство АН СССР, против лысенковщины в целом. Завадский в эти годы наиболее тесно был связан с П.А. Барановым, Д.В. Лебедевым, Ю.М. Оленовым, В.И. Полянским, В.Н. Сукачевым, М.С. Яковлевым. Его мнение как заведующего кафедрой дарвинизма ЛГУ звучало весомо в антилысенковской кампании. Роль программных документов в ней сыграли две редакционные статьи в «Ботаническом журнале», написанные Д.В. Лебедевым — единомышленником и другом Завадского с 1946 г., консолидировавшие не только биологов (Некоторые..., 1954), но и все научное сообщество СССР в этом противостоянии (Расширять..., 1955). Как вспоминал Д.В. Лебедев, «в первых рядах шёл в бой и Кирилл Михайлович. Его антилысенковские публикации появились сначала в «Вестнике Ленинградского университета», а затем серию статей опубликовал «Ботанический журнал». Тогда я был тесно связан с этим журналом, и все дискуссионные материалы проходили через меня, мы часто встречались с Завадским, обсуждали его прекрасные работы по проблеме перенаселения и борьбе за существование, а также статьи о мичуринском наследии в биологии, о структуре биологии. Этими публикациями он завоевал большой авторитет, снискал уважение у таких людей, как В.Н. Сукачев, Е.М. Лавренко» (Лебедев, 1997, с. 79). Росту авторитета Завадского способствовала также его активная антилысенковская позиция на методологических семинарах академических учреждений.

Все острее становились его высказывания против Лысенко. Выступая в 1954 г. на заседании Ученого совета факультета, Завадский заявил:

«Грубо нарушались принципы свободной борьбы мнений при обсуждении еще не решенных научных проблем... Они подменялись погромами, которые учиняла одна группа ученых всем инакомыслящим. Например, ак. Т.Д. Лысенко провозгласил свои точки зрения единственно научными, а всех несогласных с его мнениями и высказываниями объявил лжеучеными. Поскольку <...> классификация провозглашалась лицами, имевшими узкогрупповую точку зрения, но занимавшими руководящие посты — люди, объявлявшиеся лжеучеными, изгонялись из учреждений, хотя бы в действительности они и были крупными деятелями науки»³².

Он подчеркнул, что свободы дискуссий ни на Всесоюзных конференциях ВАСХ-НИЛ (1950) и объединенной сессии АН СССР и АМН СССР (1950), ни на последующих Всесоюзных совещаниях и университетских конференциях «не было и быть не могло»,

³² ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. О деятельности К.М. Завадского в 1945–1967 гг. Л. 123–124.

так как «участники испытывали дрожь при мысли, что выскажут не те формулировки»³³. Эта дрожь была основательна, так как могли последовать оргвыводы, увольнение и т. п. «Меры» имели место в ту пору, как «естественное» завершение дискуссий»³⁴.

Директор БИН П.А. Баранов был инициатором превращения празднования юбилея И.В. Мичурина в 1955 г. в год торжества идей Н.И. Вавилова и его официальной реабилитации. Баранов пригласил Завадского подготовить письмо Н.С. Хрущеву с протестом против утверждения Лысенко докладчиком на торжественном собрании, посвященном столетию со дня рождения И.В. Мичурина. Предполагалось, что письмо подпишут кроме директора БИН также директора Главного ботанического сада АН СССР и Института физиологии растений АН СССР, но они отказались, и письмо отправилось за одной подписью Баранова. В отличие от именитых академиков Завадский открыто поддержал П.А. Баранова (1955) в попытках отделить селекционера-практика И.В. Мичурина от созданной Лысенко и Презентом «мичуринской биологии». 27 октября 1955 г. он выступил с докладом на открытой научной сессии ЛГУ, посвященной столетию со дня рождения Мичурина. Этот доклад, прочитанный затем и в Ботаническом институте, где вызвал оживленные прения, был опубликован в расширенном виде (Завадский, 1956). Фактически Кирилл Михайлович продолжил начатое им ещё в 1948 г., но прерванное августовской сессией ВАСХНИЛ осмысление реального вклада Мичурина в познание изменчивости, наследственности, отбора и видообразования (Завадский, 1948в). Он показал, что творческий путь Мичурина был долг, а его научные взгляды и методы селекции существенно изменялись. По его мнению, в последние годы Мичурин большое внимание уделял мутациям, эволюции доминирования, отдаленной гибридизации и отбору в процессах сортообразования. В качестве современных продолжателей идей Мичурина уже в 1948 г. Завадский называл не апологетов «мичуринской биологии», а генетиков А.Р. Жебрака, М.С. Навашина, Б.Р. Рыбина, В.В. Сахарова и других. Статьи Завадского о Мичурине привлекли внимание А.А. Любищева, который написал ему большое письмо, приветствуя начатую Завадским переоценку достижений Мичурина, но считая его позицию недостаточно последовательной³⁵.

Подпись Завадского была седьмой в «Письме 300», отправленном осенью в 1955 г. в Президиум ЦК КПСС с требованием положить конец господству Лысенко в биологии. Подписавшие это письмо ученые разных специальностей, включая крупнейших математиков, физиков и химиков, вывели дискуссию за пределы биологии, придав ей характер политической оппозиции ученых, отстаивавших свободу развития науки в противовес партийно-правительственному аппарату, продолжавшему доверять рекомендациям Лысенко (Александров, Лебедев, 1989; В Президиум..., 1989). После 1920-х гг. это был первый акт открытого массового неповиновения властям, которые, призывая к «критике и самокритике» и поощряя письма снизу для контроля над номенклатурой, не любили коллективные обращения, усматривая в них массовые, неуправляемые инициативы (Лебедев, 1991, с. 277). Подписавшиеся, среди которых было немало руководителей академических учреждений и кафедр, знали, что, присоединяясь к коллективному письму, они нарушают неписанные правила взаимоотношений с

³³ Там же. Л. 24.

³⁴ Там же. Л. 24.

³⁵ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Письмо А.А. Любищева к К.М. Завадскому от 15 мая 1956 г.

властями, рискуют вызвать их гнев и попасть в число неблагонадежных. Некоторые, «одумавшись», снимали свои подписи. Кто-то, позиционируя себя как борца с идеями Т.Д. Лысенко, отказывался подписать коллективные требования из-за несогласия с некоторыми формулировками. Завадский также был не со всем согласен в тексте на 23 страницах, но без колебаний поставил свою подпись, считая это гражданским долгом и понимая, как она важна в этом обращении научного сообщества к властям. Он не ошибся. Многие, узнав, что Завадский поддержал основные положения письма, присоединялись к его инициаторам (К 50-летию..., 2005, с. 23). По воспоминаниям Д.В. Лебедева, «подпись заведующего кафедрой дарвинизма Ленинградского университета, несомненно, помогла преодолеть сомнения некоторых ученых» (Лебедев, 1997, с. 80).

Власть была вынуждена прореагировать на это обращение, понимая, что если научная элита подписывается под коллективным письмом, значит положение серьезное и «телефонного права» и «выкручивания рук» поодиночке вряд ли хватит для подавления недовольства. Надо было или идти на открытый конфликт с научным сообществом, или уступить, ничего не меняя. Лысенко сняли с поста президента ВАСХНИЛ, но оставили личным советником Н.С. Хрущева по сельскому хозяйству, и критиковать лысенкоизм по-прежнему было небезопасно.

Участвовал Завадский и в восстановлении генетики в ЛГУ. В бытность деканом биолого-почвенного факультета он пригласил на пост заведующего кафедрой генетики известного цитогенетика М.С. Навашина, а позднее принял на полставки доцента на кафедру дарвинизма безработную после сессии ВАСХНИЛ Р.Л. Берг. Она читала курсы лекций по истории биологии, применению математических методов в эволюционной морфологии, организовала «Кибернетический семинар» и вела студенческий кружок «Кибернетика и эволюция»³⁶. Осенью 1956 г. Завадский обратился в деканат с просьбой пригласить Н.В. Тимофеева-Ресовского для чтения студентам ботанического цикла, включая кафедру дарвинизма, «специальных лекций по генетике (экспериментальное изучение мутационного процесса, генетических основ микроэволюции и исследования механизмов действия генов в онтогенезе) в объеме 46 часов»³⁷. Однако эти намерения не нашли поддержки у некоторых генетиков и эволюционистов, которые, будучи участниками войны, не желали присутствовать на научных докладах Н.В. Тимофеева-Ресовского, жившего в первой половине 1940-х гг. в Германии.

В период 1956–1957 гг. Завадский в среднем ежегодно выступал с десятью научными докладами на конференциях и методологических семинарах БИН, ЗИН, ЦИН, Институт физиологии им. И.П. Павлова, ВМА и других учреждениях биологического профиля, а также с 20–30 популярными лекциями в различных аудиториях. Не забывший юношеского желания стать математиком, Завадский все время подсчитывал свои выступления. Получалось ежемесячно около четырех лекций и докладов, помимо огромной педагогической нагрузки в ЛГУ, институтах АН СССР и ВАСХНИЛ³⁸.

Одной из главных задач, стоявших перед ним как перед заведующим кафедрой, Завадский считал подготовку учебника «Дарвинизм» для университетов. Сделать это было нелегко. После сессии ВАСХНИЛ были уволены или отстранены от преподавания дарвинизма все специалисты по эволюционной теории, включая авторов учеб-

³⁶ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Письмо Р.Л. Берг К.М. Завадскому. Без даты. Приблизительно 1960 г.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива.

³⁸ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 76. Л. 6.

ников по общей биологии, дарвинизму и истории эволюционных идей — Л.Я. Бляхер, И.М. Поляков, А.А. Парамонов, И.И. Шмальгаузен, а также В.Е. Альтшуллер, Р.Л. Берг, З.И. Берман, Я.Я. Бунак, Н.Л. Гербильский, С.М. Гершензон, Н.В. Дубовский, М.М. Завадовский, А.Л. Зеликман, М.М. Камшилов, Е.И. Лукин, М.Е. Лобашёв, Г.А. Новиков, Д.А. Сабинин, Ю.И. Полянский, Б.Е. Райков, И.А. Райкова, А.Л. Тахтаджян, П.В. Терентьев, М.Ч. Чайлахян, С.С. Четвериков, Н.И. Шапино, С.Д. Юдинцев и другие³⁹ Их места заняли мичуринцы-лысенкоисты. За исключением москвичей Бермана и Зеликмана, приглашенных со временем читать лекции в периферийных педагогических институтах соответственно Смоленска и Костромы, никто из них так и не вернулся к преподаванию эволюционной теории. В Московском же университете кафедрой дарвинизма заведовал бывший сотрудник журнала «Семена и семеноводство» Ф.А. Дворянкин, окруженный кадрами, подобренными еще И.И. Презентом (Ф.М. Куперман, Н.В. Лебедев, В.А. Пронин, Н.М. Шапочка и др.), которые навонднили книжный рынок огромными тиражами бесчисленных графоманских учебных пособий и хрестоматий, написанных с позиций мичуринской биологии.

Выше отмечалось, что у самого Завадского практически не было специалистов по эволюционной теории. Хотя кафедра ежегодно выпускала по 5–10 дипломников и по 2–3 аспиранта, но они не могли помочь в подготовке учебника из-за отсутствия педагогического опыта. Кроме того, свободных ставок в университете не было, и после защиты диссертаций и дипломов они распределялись обычно в исследовательские институты или на такие кафедры учебных учреждений, где занятие эволюционной проблематикой не слишком поощрялось, так что в дальнейшем специализировались не в области эволюционной теории. Не получил должной эволюционной подготовки и оставленный на кафедре физиолог растений М.Г. Агаев.

С большим трудом Завадскому удалось сформировать авторский коллектив в составе З.И. Бермана, А.Л. Зеликмана, А.А. Парамонова, В.И. Полянского и С.С. Хохлова. После обращения 16 июня 1956 г. в Отдел науки ЦК КПСС к А.Н. Черкашину 27 июля 1956 г. они получили согласие заместителя министра высшего образования М.А. Прокофьева включить в план изданий учебное пособие по дарвинизму, которое должно было быть подготовлено на базе разработанной Завадским и утвержденной Министерством программы⁴⁰. Завадского утвердили руководителем авторского коллектива. Однако авторы будущей книги жили и работали в разных городах страны, в учреждениях разной ведомственной принадлежности, руководители которых часто не желали, чтобы их сотрудники отвлекались на написание каких-то учебных пособий, сулящих только неприятности, да к тому же подготавливаемых в ущерб плановым темам. Поэтому трудно было собрать авторов хотя бы на несколько дней в Москве или Ленинграде. А такие встречи были необходимыми, так как при общности основных позиций, каждый из них имел свои взгляды на структуру будущего учебника, методику подачи материала, трактовку тех или иных проблем. Для преодоления организационных трудностей приходилось прибегать к помощи Прокофьева, рассылавшего руководителям учреждений письма-ходатайства о командировании работавших у них авторов

³⁹ Изменения в профессорско-доцентском составе биологических факультетов государственных университетов МВО СССР // <http://russcience.euro.ru/document/156-61.htm> (12 мая 2010 г.).

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. Переписка по поводу учебного пособия по дарвинизму. Л. 3–6.

на подобные встречи «ввиду крайней важности создания учебника по дарвинизму для высших учебных заведений...»⁴¹. Еще сложнее было сломать сопротивление лысенковцев и их покровителей, когда организационные и творческие трудности были преодолены.

Поступившая в 1958 г. в издательство «Советская наука» рукопись получила положительные отзывы, была доработана в соответствии с замечаниями и 30 сентября 1959 г. сдана в печать. Однако ещё в конце 1958 г. по прямому указанию Н.С. Хрущева была распущена редколлегия «Ботанического журнала» как центр организованной борьбы с лысенкоизмом (см.: подробнее, Колчинский, Конашев, 2003). Ободренные этим лысенкоисты приступили к атакам по всем фронтам, и издательство стало выискивать различные предлоги для отказа от рукописи. На авторов оказывали давление по административной линии. Саратовский обком потребовал от С.С. Хохлова отказаться от участия в учебнике или «положить партбилет на стол». «Оргмеры» пытались применить и к другим членам авторского коллектива, но твердая позиция руководства ЛГУ и БИН оградила ленинградских авторов от серьезных неприятностей и позволила продолжать борьбу. Об этом свидетельствует копия письма Завадского и Бермана к секретарю ЦК КПСС Ф.Р. Козлову, бывшего в то время вторым в партийной иерархии. Единственное, что они просили — это обеспечить равноправное обсуждение всех точек зрения, издание на конкурентной основе разных учебников. Но вот свободы и равноправия как раз и боялись лысенкоисты, а также их высокие покровители. 6 февраля 1961 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР отказалось дать свой гриф для книги, и, как сообщил директор издательства «Высшая школа» В. Варламкин, 5 июля 1961 г. договор был окончательно расторгнут⁴².

Для того чтобы труд не пропал даром, директор БИН АН СССР А.А. Федоров и директор ЦИН АН А.Ф. Трошин 5 ноября 1963 г. обратились к вице-президенту АН СССР В.А. Кириллину с просьбой опубликовать книгу в издательстве «Наука»⁴³. Предложение было принято, но к тому времени рукопись уже устарела и требовалась ее существенная переработка. К тому времени К.М. Завадский тяжело заболел, и авторский коллектив возглавил Ю.И. Полянский, исходя из двух соображений: необходимости «противоядия против засилья антидарвинизма всех сортов» и желания завершить дело своего безвременно скончавшегося брата В.И. Полянского⁴⁴. При этом он считал необходимым «модернизировать» ряд разделов, особенно о генетике, популяциях, виде и т. д. Поэтому работа затянулась на несколько лет, и книга увидела свет уже после снятия Н.С. Хрущева.

Завадский понимал, что исход борьбы с лысенкоизмом в значительной степени будет зависеть от молодых ученых, получивших солидную эволюционно-биологическую подготовку. Он не жалел времени на пестование своих дипломников, аспирантов и докторов. Он добился, что несколько поколений биологов в СССР знакомились с основами эволюции по разработанной им программе, изданной на нескольких языках и в других странах восточного блока, способствовавшей освобождению учебного процесса от мифов и нелепостей и действовавшей почти четверть века (Завадский, 1957б;

⁴¹ Там же. Л. 8–10.

⁴² ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. Переписка по поводу учебного пособия по дарвинизму. Л. 43.

⁴³ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Дело без номера. Переписка по поводу учебного пособия по дарвинизму. Л. 22–23.

⁴⁴ Там же. Л. 28.

Zavadsky, 1957). В эти годы Завадский читал в университете базовый курс дарвинизма и спецкурсы по основным разделам эволюционной теории и ее истории, руководил специализацией «Философские проблемы биологии», был инициатором подготовки и обсуждения многих учебных пособий по эволюционной теории. В ведущих биологических журналах, Большой советской, Сельскохозяйственной и Философской энциклопедиях им были опубликованы блестящие статьи о биологии, предмете и задачах дарвинизма, методике его преподавания, об основных понятиях эволюционной теории.

Важной формой теоретической подготовкой широких кругов биологов стали его методологические семинары в институтах АН СССР. Например, в Институте физиологии в 1956/57 учебном году Б.Х. Гуревич рассказывал о кибернетике и высшей нервной деятельности (ВНД), Б.П. Ананьев — о физиологии ВНД и психологии, В.Н. Мясищев — о патопсихологии и патофизиологии, А.А. Малиновский — о современном состоянии генетики и её значении для изучения ВНД и т. д. Если учесть, что в философской литературе того времени генетику и кибернетику ещё клеймили как «продажных девок империализма», становится ясно, почему эти семинары помнят до сих пор. Немалое значение играл подбор докладчиков, каждый из которых был блестящим специалистом в своей области. Немалое значение имели и личностные качества руководителя семинаров. Врожденная интеллигентность, благородство, доброжелательность, талант лектора, преданность науке привлекали к нему людей разных возрастов. Завадский щедро делился с ними своими знаниями, идеями, умением по-новому взглянуть на научные проблемы.

Особое значение он придавал подготовке профессиональных биологов-эволюционистов. За период с 1951 по 1959 г. его ученики защитили 17 кандидатских диссертаций (Т.И. Капралова, Т.А. Каспирова, Л.М. Козлова, А.Г. Ломагин, А.С. Мамзин, О.Ф. Михайлов, В.Н. Савин, Э.Н. Терехин, А.Г. Юсуфов и др.). Писать диссертацию у Завадского было интересным, но нелегким делом. Месяцы, а то и годы уходили на подготовку первых публикаций, которые по несколько раз возвращались автору все исчерканные вопросами и замечаниями на полях. Завадский не допускал соискателя к защите, пока основные положения диссертации не будут апробированы в ведущих журналах, на крупных конференциях, симпозиумах и не станут хорошо известны научному сообществу. Складывавшаяся в эти годы школа Завадского, объединяющая специалистов в области эволюционной теории, истории эволюционных учений и философских проблем биологии, приобрела международное значение. Среди его воспитанников были ученые из Болгарии, Германии, Китая, Румынии, Чехии (Ф. Газеллофф, Д. Годанова, К. Зелинский, И. Иорданов, И. Пятницкий, Е. Савицкий, А. Урбанек, Ф. Чижек, Хао-Шуй, Шао-Ци-цюань, и др.), которые, возвращаясь в свои страны, уже там начинали борьбу с лысенкоизмом. Впоследствии некоторые из его учеников в нашей стране стали авторами учебников и учебных пособий по истории и теории эволюционной биологии, философским проблемам биологии (Георгиевский, 1985; История..., 2003). Книга «Эволюционное учение», написанная учеником Завадского А.Г. Юсуфовым вместе с А.В. Яблоковым, выдержала несколько изданий и до сих пор является главным учебным пособием для университетов (Яблоков, Юсуфов, 2004).

В 1959 г. Завадский активно участвовал в мероприятиях по случаю 100-летия выхода в свет книги Ч. Дарвина «Происхождение видов», выступал с публичными лекциями в разных аудиториях: ЦИН АН СССР, Астрофизической лаборатории АН СССР, Институте физиологии им. И.П. Павлова АН СССР, Всесоюзном биологиче-

ском обществе и так далее⁴⁵. Тематика докладов сильно варьировала: «100 лет учения Дарвина», «Основные положения теории эволюции», «Дарвинизм и современная биология», «Учение Дарвина и его развитие», «Уровни организации живого», «Эволюционные идеи Ж.Б. Ламарка»... В разгар юбилейных мероприятий с 27 ноября по 18 декабря он сделал 10 научных докладов. А вот последний, 11-й из запланированных, на любимую им тогда тему «Учение о виде», намеченный на 29 декабря, уже не состоялся. 23 декабря 1959 года случился трансмуральный инфаркт. Сказалась не только многолетняя интенсивная педагогическая, научная и организационная работа, но и ожесточенная борьба с Презентом и другими лысенкоистами. За первым инфарктом последовал второй, а затем и третий. Впоследствии врачи говорили, что при таких инфарктах выживали единицы из десятков миллионов.

Завадский мужественно боролся с тяжелой болезнью, как только стало немного лучше, продолжил чтение лекций, часть из них читал у себя на квартире. Там же шли занятия с дипломниками и аспирантами. Приезжал на такси читать общие лекции. Но все сложнее было вести научно-организационную работу. Ученый совет университета не смог найти К.М. Завадскому достойной замены и в 1964 г. объединил кафедры дарвинизма и геоботаники, а его назначил заведующим кабинетом дарвинизма и руководителем специализации по философским проблемам биологии. Для кабинета было отведено небольшое помещение, куда не поместилась даже библиотека по эволюционной теории, содержащая немало редких книг. Большинство сотрудников разошлись по другим кафедрам, а с К.М. Завадским остались только двое — Л.Н. Хахина и З.М. Рубцова.

Учение о виде

Свои доводы против лысенковской трактовки проблемы вида и способов видообразования Завадский черпал, прежде всего, из своих экспериментальных исследований структуры популяций высших растений, сыгравших важную роль в утверждении политипической концепции вида в СССР. Изначально эти работы были продолжением исследований представительниц вавилонской школы М.А. Розановой и Е.Н. Синской. Ему удалось выявить высокий эколого-физиологический полиморфизм популяций, влияние их состава и структуры на направление отбора, разработать оригинальную классификацию внутривидовых единиц, доказать возможность симпатрического видообразования (Завадский, 1957а; Завадский и др., 1962). Экспериментальные работы, проводимые с учениками и сотрудниками А.М. Горобцом, В.А. Савиным, Н.С. Ростовою, Л.Н. Хахиной на делянках Биологического научно-исследовательского института в Петергофе, Завадский считал главным своим научным достижением и сожалел, что из-за болезни вынужден был их прекратить.

Освободившись от большой педагогической и научно-организационной нагрузки, Завадский смог приступить к разработке учения о виде и видообразовании с позиций СТЭ. Он закончил и опубликовал книгу «Учение о виде» (Завадский, 1961), синтезировав в ней данные многолетних экспериментальных исследований по структуре вида и внутривидовым отношениям и большой литературный материал, наработанный в

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 76. Л. 8.

многолетних дискуссиях с лысенкоистами. Одной из первых эту книгу еще в рукописи прочитала соратница Н.И. Вавилова, крупнейший специалист в области генэкологии и структуры вида Е.Н. Синская, отметившая в письме от 17 марта 1960 г., что «особенно отрадное впечатление производит в ней спокойный тон», а в научном отношении — разделы об общей концепции вида. Она сообщила: «Принимаю все Ваши десять критериев»⁴⁶. Эта книга, как и ее последующее, существенно дополненное и переработанное издание (Завадский, 1968), стало важным теоретическим руководством по проблемам вида и видообразования. Завадский внес существенный вклад в уточнение значимости и границ применимости биологической концепции вида, а также в пропаганду теории вида в рамках СТЭ и изучение её истории. Он творчески разработал вопросы, связанные с определением понятия вида, его структуры, внутривидовых отношений, с обоснованием типов видообразования.

В многочисленных рецензиях на эту монографию крупнейшие отечественные и зарубежные биологи отмечали оригинальность концепции и глубокий анализ поднимаемых проблем. Так, например, известный японский специалист по генетике и экологии культурных растений К. Сакаи особенно подчеркивал выдающийся вклад Завадского в разработку проблемы внутривидовых отношений у растений (Sakai, 1963). «Учение о виде» или его отдельные главы были переведены на китайский, немецкий, румынский и японский языки. В письме от 25 февраля 1963 г. президент Сельскохозяйственной академии ГДР Г. Штуббе писал, что этот «труд имеет особое значение для моей эволюционно-генетической работы»⁴⁷.

За эту книгу Завадскому 6 мая 1963 г. Ученый совет присудил докторскую степень без защиты диссертации по совокупности опубликованных работ. Данное решение было уникальным событием, так как было принято в отсутствие соискателя, который лежал с очередным инфарктом. Юридическим основанием для проведения защиты стало отсутствие в инструкциях ВАК пункта об обязательном присутствии на защите соискателя. Официальные оппоненты (Е.М. Лавренко, А.И. Толмачев, Е.Н. Синская) и другие участники дискуссий оценили книгу как теоретическую вершину в разработке представлений о виде с эволюционной точки зрения. Ходатайство в ВАК подписал ректор ЛГУ А.Д. Александров⁴⁸. Однако ВАК не сразу откликнулся на это ходатайство. Только после снятия Н.С. Хрущева ВАК 14 ноября 1964 г. присудил Завадскому степень доктора биологических наук⁴⁹. А 30 ноября 1966 г. он был утвержден в ученом звании профессора по кафедре дарвинизма и геоботаники⁵⁰.

Расширение плацдарма и новые дискуссии

В 1965 г. состоялся мартовский пленум ЦК КПСС, провозгласивший окончание эры господства «мичуринской генетики» и «советского творческого дарвинизма». Однако опала Т.Д. Лысенко и восстановление в правах генетики не привели к быстрому

⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 1113. Необработанная часть архива. Письма Е.Н. Синской к К.М. Завадскому.

⁴⁷ Там же. Письма Г. Штуббе к К.М. Завадскому.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 75. Л. 28.

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 1113. Л. 36.

⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 1113. Л. 38.

улучшению положения эволюционной теории. Его последователи продолжали возглавлять журналы, исследовательские институты, кафедры дарвинизма и общей биологии в университетах, сельскохозяйственных, медицинских и педагогических институтах, читать курсы лекций по эволюционной биологии в духе учебников «советского творческого дарвинизма». Накануне краха Т.Д. Лысенко для биолого-почвенных факультетов университетов тиражом в 27 тысяч экземпляров был издан учебник заведующего кафедрой дарвинизма в МГУ Ф.А. Дворянкина (1964), который и впоследствии долгое время оставался профессором кафедры, продолжая готовить новые поколения в духе лысенкоизма. Возглавивший эту кафедру А.А. Парамонов был уже в преклонных годах и, пережив тяжелые времена после августовской сессии ВАСХНИЛ, не смог уволить тех преподавателей кафедры, которые не имели необходимых знаний для преподавания современной эволюционной теории, приняв ее только на словах⁵¹. В связи с этим специализация студентов на кафедре была прекращена, и в СССР исчез последний учебно-образовательный центр в области эволюционной теории. Ситуацию осложняло и то обстоятельство, что многие выдающиеся отечественные биологи-эволюционисты после 1948 г. ушли в другие сферы биологических исследований и не имели возможности, а иногда и не хотели возвращаться к проблемам, поломавшим им жизнь. К тому же часть из них находилась в весьма преклонном возрасте. Тяжелым ударом для отечественных эволюционистов стала смерть в 1963 г. их бесспорного лидера, одного из главных архитекторов современного дарвинизма И.И. Шмальгаузена. Еще раньше ушли другие учителя, друзья и единомышленники Завадского — П.А. Баранов, В.И. Полянский, А.П. Шенников. Вскоре не стало Е.Н. Синской, В.Н. Сукачева, Н.Л. Гербильского, Г.Я. Бей-Биенко, З.И. Бермана, А.Л. Зеликмана, Д.Г. Квасова, А.А. Парамонова, А.С. Данилевского, П.А. Терентьева, С.Я. Соколова, Б.С. Матвеева, М.Е. Лобашёва. Этот скорбный мартиролог соратников по борьбе лысенкоистами Завадский переписывал почти каждый год⁵².

Таким образом, сообщество биологов-эволюционистов в нашей стране необходимо было формировать заново. В значительной степени координацию этих усилий взял на себя К.М. Завадский, используя свои прежние социальные и научные связи и создавая новую неформальную социальную сеть из эволюционистов разных поколений и разных специальностей. Эта деятельность совпала с периодом его интенсивной научной работы, вызванной и общим подъемом интеллектуальной жизни в биологии после освобождения от тоталитаризма, и международным признанием его учения о виде.

В эти годы Завадский подготовил несколько докладных записок, в которых отмечал: «Эволюционная теория в биологии была и сохраняет значение отрасли, синтезирующей всю огромную совокупность частных наук. Прямо или косвенно она выступает как теоретическая основа сельскохозяйственных наук»⁵³. Отметив, что успехи российских ученых в 1920–1940-е гг. обеспечили им лидирующее положение в области эволюционной теории, Завадский констатировал: «...Последние четверть века исследования по теории эволюции очень сильно заторможены, или вовсе прекращены. Специалистов в этой области совсем не осталось... В десятках университетов, пед[агогических] институтов и других ВУЗах этот предмет преподается не специалистами... Подготовка кадров по теории эволюции повсеместно прекратилась. Нет не только

⁵¹ См. с. _____.

⁵² ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 71. Л. 5.

⁵³ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 81. Л. 3.

крупных научных центров, но даже ни одной научной лаборатории, специально занимающейся эволюционной теорией, и в системе АН СССР».

Стараясь сыграть на стремлении правящей элиты — ни в чем не отставать от западных стран, Завадский указывал: «Сложившееся положение находится в сильном контрасте с развитием теории эволюции в мировой науке, свидетельством чего является огромный поток работ, выходящих по этим вопросам за рубежом». Для ликвидации отставания он призывал власти принять те же экстренные меры, которые были приняты недавно для возрождения генетики. По его мнению, необходимым было объединить имеющихся специалистов в творческие группы при институтах АН СССР и координировать их работу, включающую в себя экспериментальное, математическое, историко-биологическое и методологическое изучение главных проблем. После смерти выдающихся биологов-эволюционистов, он ощущал себя ответственным не только за свою школу, но и за все состояние эволюционной теории в стране. И многочисленные письма со всех концов СССР показывают, что многие крупные биологи воспринимали Завадского как лидера эволюционно-биологических, историко-научных и философских исследований в СССР (Б.Л. Астауров, Д.К. Беляев, М.С. Гиляров, М.М. Камшилов, Е.М. Крепс, Б.С. Матвеев, Л.К. Паавер, А.А. Парамонов, С.С. Шварц, А.В. Яблоков и многие другие).

Первоочередной задачей стала подготовка современной программы по теории эволюции для университетов, а также принципиальный критический анализ имеющихся учебных пособий, написанных на основе лысенковских представлений. Совместно с З.И. Берманом Завадский подвел итоги многолетней борьбы с претензиями лысенковизма на звание дарвинизма в середине 1960-х гг. (Завадский, Берман, 1966). Разобрав различные учебники по дарвинизму, они убедительно показали, что представления лысенковцев были причудливой смесью положений разных антидарвиновских концепций эволюции с натурфилософскими представлениями, бытовавшими в биологии до начала XIX в. По предложению Сукачева, однако, в названии статьи слово «псевдодарвинизм» было заменено «антидарвинизмом», а какой-то ретивый технический редактор произвел замену по всему тексту. Завадский не согласился с подобной «правкой», и В.Н. Сукачев в письме от 7 июля 1965 г. признал его претензии справедливыми и сообщил, что дал указание восстановить первоначальный текст⁵⁴. Первоначально эта статья должна была быть опубликована в бюллетене «Московского общества испытателей природы». Однако по неизвесной нам причине статья в МОИПе не вышла и была напечатана в «Вестнике ЛГУ».

Не менее важной задачей стала подготовка и утверждение новой программы по дарвинизму для университетов, которую Завадский еще в начале 1960-х гг. представил Министерству высшего и среднего образования СССР. Только после свержения Лысенко её послали на экспертную оценку в Отделение биологических наук, где она была в самых лестных выражениях одобрена В.Н. Сукачевым и вскоре опубликована (Завадский, 1965). В поясняющей части статьи Завадский четко изложил свое видение задач по возрождению в СССР эволюционной теории как дисциплины, тесно связанной с огромным комплексом других отраслей биологии, и неотъемлемой части мировой эволюционной мысли. Он настаивал на необходимости подлинного синтеза в эволюционной теории, включавшего основные достижения отечественных и зарубежных архитекторов СТЭ, а также все ценные факты и обобщения из недарвиновских концепций эволюции. Были высказаны и соображения о необходимости свести

⁵⁴ См. с. _____

разделы по истории эволюционных идей лишь к краткому историческому введению и сосредоточиться на изложении современного положения эволюционной теории, базируясь на трудах Г.Ф. Гаузе, В. Гранта, Ф.Г. Добржанского, Б. Ренша, С.А. Северцова, Дж.Г. Симпсона, Н.В. Тимофеева-Ресовского, К. Уоддингтона, С. Райта, Р. Фишера, Э. Форда, Дж. Хаксли, Дж.Б.С. Холдейна, И.И. Шмальгаузена и др. Настаивал он и на включении в новый курс проблемы организации живых систем, разрабатываемой В.И. Вернадским, В.Н. Беклемишевым, Л. Берталанди, Е.М. Лавренко, Ю. Одумом, К.М. Хайловым, а также последних результатов изучения эволюции на молекулярном уровне. По его мнению, особенно важно изучать не только общие законы эволюции, «но и их своеобразии в зависимости от высоты организации, способов размножения, типа генетических систем и т. п.» (там же, с. 731). Кроме того, у него были сомнения в целесообразности сохранения термина «дарвинизм» для эволюционной теории, коренным образом изменившейся за столетие.

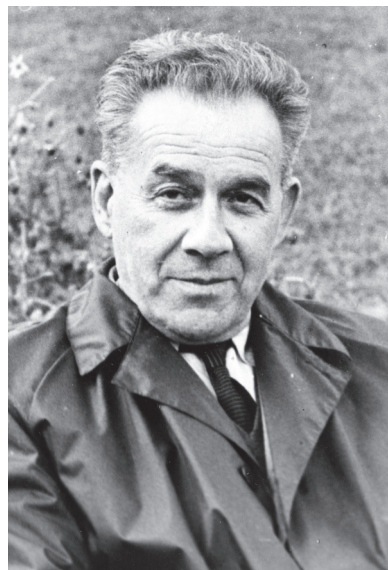
Далеко не все, считавшие себя дарвинистами, могли согласиться с подобными трактовками задач эволюционной теории. Особенно напряженные отношения у К.М. Завадского сложились с крупным историком эволюционной теории и палеонтологом Л.Ш. Давиташвили, который ни за что не хотел признать СТЭ, созданную преимущественно трудами западных ученых, современным дарвинизмом (Давиташвили, 1966). Постепенно разгорелась жесткая полемика, нашедшая отражения и в публикациях, и в переписке⁵⁵. Разногласия выявились и на заключительном этапе работы над коллективной монографией по эволюционной теории для издательства «Наука». З.И. Берман и А.Д. Зеликман не смогли принять тезис о неodarвинизме А. Вейсмана и А. Уоллеса как важном этапе в развитии учения естественного отбора и не признавали научное значение мутационных теорий С.И. Коржинского, Г. де Фриза, концепции преадаптации А. Кэно, номогенеза Л.С. Берга, неокатастрофизма Д.Н. Соболева и О. Шиндевольфа и т. д. Они пытались сохранить в тексте и даже в названиях разделов такие формулировки, как «несовместимость неodarвинизма с теорией Дарвина», «неodarвинизм и неоламаркизм в борьбе против дарвинизма» и т. п. (Берман и др., 1966, с. 323). Подобные оценочные суждения, по мнению Завадского, были неприемлемы и вредны в новых условиях. Компромисса найти не удалось, и Завадский вышел из состава авторского коллектива, сохранив дружеские отношения с оппонентами.

Более продуктивно шла работа над вторым томом, посвященном современному состоянию эволюционной теории (Берман и др., 1967). К тому времени учебники А.А. Парамонова «Курс дарвинизма» (1945) и И.И. Шмальгаузена «Проблемы дарвинизма» (1946), запрещенные и изъятые из библиотек, стали библиографической редкостью. К тому же они устарели, так как готовились в период до появления популяционной и молекулярной биологии. Их переработанные и дополненные версии, изданные в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (Шмальгаузен, 1968; Парамонов, 1982), принципиально не меняли ситуацию. Требовалась книга, изначально подготовленная с позиций современной эволюционной теории. Завадскому в этой книге принадлежат три главы: «Вид как форма существования жизни», «Структура вида» и «Видообразование». Авторам, жившим в Москве и Ленинграде, удалось сохранить не только идейное, но и стилистическое единство благодаря редактору издательства «Наука» Ф.И. Кричевской. Несмотря на тираж в 7200 экземпляров, книга мгновенно разошлась и сразу стала библиографической редкостью.

⁵⁵ Неразобранная часть рукописи. Переписка Л.Ш. Давиташвили и К.М. Завадского.

Актуальным стал и вопрос о переиздании книги о виде, инициатором которого еще в мае 1963 г. выступил будущий академик С.С. Шварц. Узнав о планах издания переработанного варианта книги, В.Н. Сукачев написал 27 июня 1965 г.: «От всего сердца радуюсь, что Вы подготовили 2-е издание Вашей прекрасной книги „Учение о виде“. Выпуск второго издания ее необходимо ускорить»⁵⁶. Сукачев старался всячески помочь Завадскому, обращался за поддержкой к заместителю председателя Редакционно-издательского совета АН СССР академику А.Л. Яншину, министру Высшего и среднего образования В.П. Елютину и др. Заместитель директора ИИЕТ АН СССР С.Р. Микулинский включил книгу Завадского в планы институтских изданий. Вышедшая в 1968 г. монография «Вид и видообразование» долго была настольной книгой для тех, кто интересовался эволюцией. Здесь Завадский подробно и обстоятельно изложил свою общебиологическую концепцию вида как универсальной формы существования жизни, высказал оригинальные идеи о типах видов, повышении их целостности в ходе эволюции, об основных этапах эволюции структур популяций. Его классификация типов видообразования по хронологическому принципу (аллопатрическое и симпатрическое), характеру исходных преобразований и темпам видообразования (неоформогенное и микроаккумулятивное), способам объединения или дивергенции исходных форм (синтезогенез и сегрегациогенез) была устремлена в будущее. Он говорил о видообразовании путем горизонтального переноса генов (трандукции), гибридогенеза, симбиогенеза и т. п., реальность которых была доказана только недавно. Он подобрал новые аргументы в пользу симпатрического видообразования, и его главный оппонент в этом вопросе Э. Майр позднее признал правоту Завадского.

В 1967 г. судьба Кирилла Михайловича совершила крутой поворот: он перешел в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР (ЛО ИИЕТ). Решение оставить университет было принято после долгих колебаний. Предстояло расстаться со студентами, с лекциями в 133-й аудитории, со всей обстановкой биолого-почвенного факультета, на котором Завадский проработал в общей сложности около 30 лет. Но с переходом в ЛО ИИЕТ открывались перспективы создать сектор по истории и теории эволюционного учения и сосредоточиться на научно-исследовательской работе. По оценке М. Адамса, посетившего сектор в 1971 и 1977 гг., Завадский возглавлял «превосходную (excellent) группу историков эволюционной биологии» (Adams, 1994, p. VIII). На семинары сектора каждый месяц собирались до 50 человек. В его рамках выступили практически все ведущие биологи-эволюционисты нашей страны: В.Я. Александров, Р.В. Викторовский, Л.З. Кайданов, А.Г. Кнорре, Е.М. Крепс, В.С. Кирпичников, Е.И. Лукин, В.В. Мазинг, Б.М. Медников, С.В. Мейен, Ю.М. Оле-

Завадский К. М. в сквере на Чкаловском проспекте, 1967 г. октябрь (Фотография из архива СПбФ ИИЕТ РАН)

⁵⁶ См. с. _____.

нов, И.Я. Поляков, Ю.И. Полянский, Н.С. Ростова, П.Г. Светлов, А.С. Северцов, В.В. Скрипчинский, Л.П. Татаринев, Э.С. Терехин, Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.М. Уголев, Г.Х. Шапошников, С.С. Шварц, А.Г. Юсуфов, А.В. Яблоков, А.А. Яценко-Хмелевский и др. На семинаре делали доклады и зарубежные биологи-эволюционисты, и историки науки: М. Адамс, Э. Майр, Э. Мендельсон (США), Д. Годанова и В. Новак (Чехословакия), Ч. Новицкий, А. Урбанек (Польша), М. Бондарик и И.И. Пятницкий (Румыния), Ф. Газеллофф и Р. Лотер (Германия) и др. Без преувеличения можно сказать, что это был центр эволюционных исследований мирового уровня. Отдавая должное усилиям Завадского, его корреспонденты признавали, что ему удалось организовать неформальное общество эволюционистов, среди которых весомо звучали голоса молодых ученых. Для многих из них семинар стал местом первого выступления в авторитетной аудитории, где они могли на равных дискутировать с признанными учеными. Это был оазис подлинной научной демократии.

Установить контакты с Завадским стремились многие зарубежные биологи-эволюционисты и историки науки. В июне 1972 г. сектор К.М. Завадского посетил Э. Майр. В беседе были затронуты многие вопросы истории и теории эволюции. Позднее Майр не раз отмечал огромное влияние К.М. Завадского на уточнение его собственных философских воззрений и посвятил специальную работу Завадскому как «глубочайшему теоретику, мыслителю и педагогу» (Маур, 1997, р. 12; Майр, 2004, с. 73).

Последнее десятилетие, проведенное Завадским в Академии наук, оказалось на редкость продуктивным в научном и научно-организационном отношении. В декабре 1969 г. под его руководством состоялся Всесоюзный симпозиум «Прогрессивное развитие в живой природе и техники». Подготовленную им к этому симпозиуму статью об общих закономерностях прогрессивного развития ставят на один уровень с тектологией А.А. Богданова по глубине мыслей и оригинальности широких обобщений (Завадский, 1970). Узнав от академика-секретаря Отделения общей биологии Б.Е. Быховского о готовящейся публикации материалов симпозиума, М.С. Гиляров обратился к Завадскому с просьбой часть из них напечатать и в «Журнале общей биологии»⁵⁷. Предложение было принято, между ними установилась переписка, и Гиляров, ставший вскоре академиком-секретарем Отделения общей биологии, по мере сил и возможностей помогал Завадскому в преодолении различных сложностей научно-организационного характера. На его просьбы и начинания всегда откликались другие биологи — члены АН СССР (Б.Л. Астауров, Д.К. Беляев, С.С. Шварц и др.), что также запечатлено в переписке.

Понимая значение специального журнала для институционализации эволюционно-биологических исследований, Завадский пытался создать в нашей стране журнал «Эволюция». В 1972–1973 гг. разработал его подробную программу, собрал редколлегия, в которую согласились войти Д.К. Беляев, Н.Н. Воронцов, М.М. Камшилов, В.С. Кирпичников, Е.И. Лукин, А.А. Малиновский, К.В. Манойленко, А.С. Северцов, Я.И. Старобогатов, А.В. Яблоков. Предполагалось, что главным редактором станет академик А.Л. Тахтаджян. Однако, несмотря на активную поддержку многих директоров биологических институтов АН СССР, реализовать этот проект не удалось⁵⁸. Нужно было «пробивать» вопрос через Отдел науки ЦК, но у Кирилла Михайловича уже не

⁵⁷ См. с. _____

⁵⁸ См. с. _____

было для этого сил, а никто другой на себя эту миссию не взял. Так был упущен еще один шанс институционализировать эволюционную теорию в нашей стране.

Завадский прекрасно понимал важность международных контактов как для возрождения эволюционной теории в СССР, так и для продвижения отечественных работ на Запад. В эти годы он поддерживал переписку с крупнейшими зарубежными эволюционистами (Э. Майром, Ф. Добржанским, Е. Олсоном, Дж. Стеббинсом, Г. Штуббе и др.), обсуждая с ними различные научные и организационные проблемы. 1 февраля 1974 г. в Польской Народной Республике открылся Первый советско-польский симпозиум по проблеме «Взаимосвязь организации и развития в биологии». Его участники обратились с приветствием к К.М. Завадскому как одному «из самых видных теоретиков эволюционизма»⁵⁹. Он активно участвовал в формировании программы ежегодных эволюционных семинаров в Чехословакии. В качестве сопредседателя симпозиума по проблеме «Виды и видообразования» в рамках XII Международного ботанического конгресса, состоявшегося в июне 1975 г. в Ленинграде, Завадский выполнил огромный объем научно-организационной и редакционной работы.

Большой резонанс имели и организованные Завадским симпозиумы по истории и философии науки — «Организация и эволюция живого» (1972) и «Первые шаги эволюционной теории в СССР» (1973), каждый из которых способствовал сплочению интересующихся проблемами эволюции, особенно биологов ИИЕТ и ЛО ИИЕТ. В.В. Бабков, Н.А. Григорян, В.Н. Гутина, В.И. Назаров, Л.В. Чеснова и другие молодые и маститые историки науки тянулись к Завадскому, а для московских философов биологии — И.К. Лисеева, А.Я. Ильина, Р.С. Карпинской, И.Т. Фролова, Б.Г. Юдина и др. — Завадский был одним из главных советчиков и помощников. На симпозиуме, посвященном развитию эволюционной теории в СССР в начале 1920-х гг., была сформулирована программа и сформирован костяк авторского коллектива фундаментальной монографии, подготовленной уже после смерти Завадского и ставшей первым опытом изучения истории формирования СТЭ в рамках одного из национальных научных сообществ (Развитие..., 1983). Впервые на этом симпозиуме состоялось объективное обсуждение номогенеза Л.С. Берга.

Будучи убежденным сторонником теории естественного отбора, Завадский считал, что синтез всего ценного в недарвиновских концепциях является важнейшим способом углубленного понимания эволюции. Он организовал борьбу за публикацию сборника эволюционных трудов Л.С. Берга, подготовленных к печати Д.Д. Квасовым

К.М. Завадский с котом, 1974
(Фотография из архива СПбФ ИИЕТ РАН)

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 83. Л. 1.

в 1973 г., но вычеркнутых из издательского плана АН СССР. Вместе с П.М. Жуковским, Е.М. Лавренко и А.С. Мамзиным Завадский обратился к руководителю РИСО АН СССР А.Л. Яншину с письмом, в котором доказывалась необходимость издания работ Л.С. Берга, не потерявших своей актуальности для решения важнейших эволюционных проблем. Это письмо, а также готовность Завадского вместе с А.Б. Георгиевским написать большую вступительную статью к планируемому изданию, решило судьбу книги Л.С. Берга, которая вышла в 1977 г., незадолго до смерти Завадского, и привлекла внимание не только биологов, вызвав оживленные дискуссии на страницах различных журналов и книг (Завадский, Георгиевский, 1977).

Многих удивляло, что в качестве тем кандидатских исследований Завадский ставил задачу историко-критического изучения значения неदारвинистских концепций эволюции. Но именно благодаря диссертациям А.Б. Георгиевского о преадаптации и А.П. Мозелова о неodarвинизме эти концепции сейчас рассматриваются в отечественной литературе как важный этап в познании эволюции. По его инициативе Т.А. Лукина подготовила перевод некоторых работ крупнейшего представителя неокатастрофизма О. Шиндевольфа, использованный затем в публикациях самой Т.А. Лукиной, а также других авторов.

До конца 1960-х гг. советские биологи и историки науки не использовали термин «синтетическая теория эволюции» (СТЭ), предпочитая говорить о «современном дарвинизме», «истинном дарвинизме», «подлинном дарвинизме», «постнеodarвинизме», «современной теории эволюции» и т.д. Завадский впервые выделил и проанализировал основные пути формирования СТЭ, существенно увеличил число ее создателей, стран и отраслей биологии (Завадский, 1971). Его работа «Развитие эволюционной теории после Дарвина» (Завадский, 1973) стала важным источником по истории эволюционизма с 1859 г. до начала формирования СТЭ. Об этой книге С.С. Шварц отозвался как о «нужной, ценной, злободневной» и «предельно честной книге» (Шварц, 1975). Так же высоко оценили книгу Ф.Г. Добржанский и Э. Майр, пытавшиеся организовать её издание в США (Из архива... 1987, с. 116, 117, 120).

Чувствуя моральную ответственность за теорию эволюции, Завадский остро реагировал на все, что могло нанести ей ущерб. Он организовал весной 1975 г. специальный семинар по обсуждению книги А.Е. Фурмана «Диалектическая концепция развития в современной биологии» (1974), рекомендованной как учебное пособие для университетов. Все выступавшие биологи и философы (Л.Я. Боркин, М.Т. Ермоленко, Л.З. Кайданов, В.С. Кирпичников, А.Г. Кнорре, Е.М. Лавренко, А.С. Мамзин, Ю.М. Оленов, Ю.И. Полянский, И.Н. Смирнов) были единодушны в том, что книга написана с грубейшими биологическими ошибками. Завадский добился, чтобы это мнение научного сообщества стало известно в Министерстве высшего и среднего образования СССР и гриф учебного пособия был снят (Аверьянова, Колчинский, 1975). Немало времени Завадский потратил на то, чтобы узнать причины поступившего в 1970 г. в Ленинградское отделение издательства «Наука» нелепого запрета ссылаться на труды Н.В. Тимофеева-Ресовского и добился его отмены (Колчинский, 2003, с. 65–66).

Последней прижизненной публикацией Завадского стала книга, посвященная изучению особенностей движущих сил эволюции на различных этапах истории органического мира и в различных крупных таксонах (Завадский, Колчинский, 1977). Однако его заветная мечта — написать книгу о прогрессивной эволюции живого — так и осталась нереализованной, хотя во многих папках хранились планы будущей монографии, отдельные главы, параграфы и множество переводов по данной тематике. Идеи Завад-

У могилы Завадского. А. Мамзин, Л. Хахина, К. Манойленко, Е.С.Зайчук, Я. Галл.
(Фотография из архива СПбФ ИИЕТ РАН)

ского нашли воплощение в монографиях учеников об антропосоциогенезе, адаптации и преадаптации, апомиксисе, борьбе за существование, вероятности и эволюции, детерминации эволюции, естественном отборе, избыточности и надежности в эволюции, направленности эволюции, норме и патологии, эволюции паразитных растений, популяционных исследованиях в прикладной ботанике, регенерации у растений, симбиогенезе, эволюции биосферы, эволюционной физиологии растений, эволюционной цитогенетике и др., многие из которых вышли ещё под его редакцией. В эти годы под его руководством было подготовлено и защищено 4 докторских и 20 кандидатских диссертаций. Он разработал комплексную программу изучения эволюции в условиях нарастающего экологического кризиса, предупреждая, что индустриальный меланизм, возникновение ядоустойчивых рас насекомых, приобретение бактериями и вирусами устойчивости к лекарственным препаратам, изменение численных соотношений видов в природных экосистемах — это лишь первые грозные симптомы эволюционных ответов живого на антропогенные воздействия.

Многие свои замыслы К.М. Завадский не реализовал, так как много сил тратил на сохранение своего сектора при непрерывавшихся реорганизациях академических учреждений по философии, социологии, экономике и истории науки в Ленинграде. Он пошел на прямой конфликт с партийными органами, будучи убежден, что тематика сектора ни при каких обстоятельствах не может быть ликвидирована⁶⁰. В его защиту выступили директора всех биологических институтов Ленинграда, академики и члены-корреспонденты АН СССР (Б.Е. Быховский, Е.М. Крепс, Е.М. Лавренко, А.С. Трошин, В.Н. Черниговский, А.А. Федоров и другие). Их обращения в вышестоящие орга-

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 1113. Необработанная часть архива.

низации возымели действие. Сектор было решено сохранить, передав в БИН, где все предложения и планы Завадского были приняты и одобрены. Но Завадский, узнав, что ЛО ИИЕТ не ликвидирован полностью и в Ленинграде остались два его подразделения, поднял вопрос о возвращении своего коллектива в ИИЕТ. 12 октября 1976 г. на заседании Президиума АН СССР было рекомендовано вернуть коллектив Завадского в ИИЕТ. Дирекция БИН не возражала против этого, но решение вопроса затягивалось. Ситуация осложнялась тем, что БИН попал под пристальное внимание партийных органов. Сверху было спущено требование покончить с либерализмом в работе Ученого совета и решительно действовать в отношении непрофильных подразделений. В их числе оказалась и лаборатория Завадского, которому вновь пришлось принимать меры по её спасению. На просьбы академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР М.С. Гилярова и С.Р. Микулинского П.Н. Федосеев отвечал отказом⁶¹. Только вмешательство академика АМН Г.Ф. Гаузе, обратившегося с просьбой к вице-президенту АН СССР Ю.А. Овчинникову, позволило положительно решить вопрос. В марте 1978 г. созданный Завадским коллектив вернулся в ЛО ИИЕТ. Не вернулся только Кирилл Михайлович Завадский, который скончался 2 ноября 1977 г.

* * *

27 января 1970 г., отвечая на наше приглашение принять участие в конференции, посвященной 70-летию со дня рождения К.М. Завадского, ученик и соратник Н.И. Вавилова А.И. Купцов написал:

«...Я высоко чту и ценю Кирилла Михайловича, как автора интересных оригинальных и ценных исследований по теории эволюции, и ещё более как честного, трудолюбивого русского ученого, достойно пережившего трудную эпоху в развитии нашей науки. Я помню его историю с его кандидатской диссертацией, которая не понравилась И.И. Презенту... Вскоре мы узнали и другие оригинальные, интересные и смелые работы К.М. Завадского. Вероятно, многое ему приходилось публиковать в те дни не без хлопот и борьбы. Ведь он вместе с нами пережил время «лихолетье». Но несмотря на возможности легко „выплыть“, если поступиться своими взглядами, он никогда не стремился купить себе такой ценой ведущее положение в биологии. Он был хорошим товарищем и другом молодых биологов, охотно оказывал свою помощь всем, кто ее у него искал... Таков был и остается в моей памяти Кирилл Михайлович. Хвала и вечная память этому выдающемуся ученому, и да будет ему земля пухом».

Здесь сказано главное о Кирилле Михайловиче Завадском — одном из последних представителей удивительного поколения россиян, жизнь которых всецело была посвящена науке.

Литература

Аверьянова Т.М., Колчинский Э.И. Об одном неудачном учебном пособии по философским проблемам биологии // Журнал общей биологии. 1975. Т. 36. № 6. С. 957–961.

Александров В.Я., Лебедев Д.В. Это было «Письмо трехсот»: Возвращаясь к напечатанному // Правда. 1989. 27 янв.

⁶¹ Там же. Переписка К.М. Завадского с М.С. Гиляровым и С.Р. Микулинским.

Баранов П.А., Лебедев Д.В. Забытые страницы из биографии И.В. Мичурина и Н.И. Вавилова // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 752–757.

Берман З.И., Зеликман А.Л., Полянский В.И., Полянский Ю.И. История эволюционных учений в биологии / Под ред. В.И. Полянского, Ю.И. Полянского. М.; Л.: Наука, 1966. 324 с.

Берман З.И., Завадский К.М., Зеликман А.Л., Парамонов А.А., Полянский Ю.И. Современные проблемы эволюционной теории / Под ред. В.И. Полянского, Ю.И. Полянского. Л.: Наука, 1967. 489 с.

В Президиум ЦК КПСС: Письмо 1955 г. [О тяжелом положении в биологии, созданном деятельностью Т.Д. Лысенко и лысенковцев] // Правда. 1989. 13 янв.

Гаген Т. Противостояние, или История одного увольнения // Ленинградский университет. 1989. 13 янв. С. 5–6; 20 янв. С. 5.

Галл Я.М., Гаузе Г.Ф. Экспериментальное изучение борьбы за существование // Развитие эволюционной теории в СССР. М.: Наука, 1983. С. 203–221.

Георгиевский А.Б. Дарвинизм. М.: Просвещение, 1985. 271 с.

Гинецинская Т.А. Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1991. Вып. 1. С. 169–175.

Давиташвили Л.Ш. Современное состояние эволюционного учения на Западе. М.: Наука, 1966. 343 с.

Дворянкин Ф.А. Дарвинизм. Курс лекций по истории эволюционного учения и проблемам дарвинизма. М.: Изд-во МГУ, 1964. 447 с.

Завадский К. М. Влияние густоты насаждений на изменение численности и рост кок-сагыза. Тезисы канд. дис. Л., 1948а. 3 с.

Завадский К.М. Влияние густоты насаждений на динамику численности и рост кок-сагыза // Конференция по проблемам дарвинизма в МГУ (3–8 февраля 1948 г.). Тезисы докладов. М., 1948б. С. 45–46.

Завадский К.М. И.В. Мичурин — замечательный преобразователь природы: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1948 г. в Ленинграде. Л.: Изд-во об-ва по распространению политических и научных знаний, 1948в. 35 с.

Завадский К.М. О прогрессивном значении взглядов В.Л. Комарова на реальность и целостность вида // Вестник ЛГУ. № 4. 1952. С. 3–25.

Завадский К.М. Об учении академика А.Н. Северцова // Вестник ЛГУ. 1953. Сер. биол. № 7. С. 3–23.

Завадский К.М. Некоторые вопросы теории вида и видообразования [Выступление на дискуссии по проблеме вида и видообразования на философском семинаре биолого-почвенного ф-та ЛГУ] // Вестник ЛГУ. 1954. № 10. Сер. Биол., геогр. и геол. Вып. 4. С. 3–15.

Завадский К.М. Научное наследие И.В. Мичурина и некоторые задачи биологии // Ботанический журнал. 1956. Т. 41. № 1. С. 3–22.

Завадский К.М. К вопросу о дифференциации вида у высших растений [Докл. на научной сессии биол.-почв. ф-та 1957 г.] // Вестник ЛГУ. 1957а. № 21. Сер. биол. Вып. 4. С. 18–44.

Завадский К.М. Предмет и задачи современного дарвинизма // Ботанический журнал. 1957б. Т. 42. № 4. С. 583–595;

Завадский К.М. К пониманию прогресса в органической природе // Проблемы развития в природе и обществе: Сб. статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 79–120.

Завадский К.М. Учение о виде. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 254 с.

Завадский К.М. Теория эволюции и ее преподавание // Журнал общей биологии. 1965. Т. 26. № 6. С. 731–743 [с «Программой по дарвинизму для университетов». С. 739–743];

Завадский К.М. Основные формы организации живого и их подразделения // Философские проблемы современной биологии. М.; Л.: Наука, 1966. С. 29–47.

Завадский К.М. Вид и видообразование. Л.: Наука, 1968. 404 с.

Завадский К.М. К проблеме прогресса живых и технических систем // Теоретические вопросы прогрессивного развития живой природы и техники. (Материалы симпозиума). Л.: Наука, 1970. С. 3–28.

Завадский К.М. Синтетическая теория эволюции и диалектический материализм // Философские проблемы эволюционной теории (материалы к симпозиуму). Ч. II. М.: Наука, 1971. С. 4–30.

Завадский К.М. Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859–1920-е годы). Л.: Наука, 1973. 423 с.

Завадский К.М., Берман З.И. Об одной из форм антидарвинизма // Вестник ЛГУ. 1966. № 9. Сер. биол. Вып. 2. С. 5–22.

Завадский К.М., Георгиевский А.Б. К оценке эволюционных взглядов Л.С. Берга // Труды по теории эволюции. Л.: Наука, 1977. С. 7–42.

Завадский К.М., Горобец А.М., Ходьков Л.Е., Хахина Л.Н. Некоторые результаты изучения популяций высших растений // Труды Петергофского биол. ин-та ЛГУ. 1962. № 19. С. 17–34.

Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции: Историко-критические очерки проблемы. Л.: Наука, 1977. 237

Из архива К.М. Завадского // Ученый, учитель, гражданин: Памяти К.М. Завадского. СПб., 1997. С. 111–122.

История биологии. М.: Янус-К, 2003. Вып. 1. 112 с.; Вып. 2. 160 с.

К 50-летию «письма трехсот» // Вестник ВОГиС. 2005. Т. 9. № 1. С. 12–33.

Колчинский Э.И. Провал лысенковщины в Ленинграде // Ленинградский университет [газ.]. 1990. 14 и 21 дек.

Колчинский Э.И. Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете (Интервью с А.Д. Александровым) // Репрессированная наука. Вып. 1. СПб.: Наука, 1994. Вып. 2. С. 169–175.

Колчинский Э.И. История науки в городе на Неве // Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН 1953–2003 гг. СПб., 2003. С. 7–94.

Колчинский Э.И. Краткий очерк научной, педагогической и организационной деятельности // Кирилл Михайлович Завадский: Материалы к биобиблиографии историков науки и техники. Вып. 8. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 8–60.

Колчинский Э.И., Конашев Б.М. Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал» // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4. С. 49–74.

Лебедев Д.В. Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука. Вып. 1. Л.: Наука, 1991. С. 264–282.

Лебедев Д.В. Второй раз мы встретились как соперничатели // Ученый, учитель, гражданин: Памяти К.М. Завадского / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 1997. С. 77–81.

Майр Э. Корни диалектического материализма // Природа. 2004. № 9. С. 73–76.

Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1954. Т. 39. № 2. С. 202–223.

Парамонов А.А. Дарвинизм. Киев: Вища школа, 1982. 272 с.

Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.) // Ред.-сост. Э.И. Колчинский; отв. ред. С.Р. Микулинский, Ю.И. Полянский. Л.: Наука, 1983. 613 с.

Расширять и углублять творческую дискуссию по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 206–216.

Турбин Н.В. Дарвинизм и новое учение о виде // Ботанический журнал. 1952. Т. 37. № 6. С. 798–818.

Шварц С.С. [Рец. на кн.:] Завадский К.М. Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859–1920-е годы). Л.: Наука, 1973. 423 с // Журнал общей биологии. 1975. Т. 36. № 3. С. 470–472.

Шмальгаузен И.И. Проблемы дарвинизма. М.: Наука. 1969. 493 с.

Яблоков А.В., Юсупов А.Г. Эволюционное учение. 5-е изд., исп. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 310 с.

Adams M. Preface // The Evolution of Theodosius Dobzhansky / Ed. M. Adams. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press. 1994. P. VII–X.

Mayr E. Roots of Dialectical Materialism // На переломе. Советская биология в 20–30-х гг. Вып. 1. СПб., 1997. С. 12–18.

Sakai K. [Учение о виде (на яп. яз.)] // Genetica Sinica. 1963. Vol. 12. № 3. P. 126–129.

Zavadsky K.M. Gegenstand und Aufgaben des heutigen Darwinismus // Sowjetwissenschaft — Naturwissenschaftliche Beiträge. Berlin. Hft 10. 1957.

In the focus of biological discussions. To the centenary celebration of K.M. Zavadsky (1910–1977)

E.I. KOLCHINSKY

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia;
ekolchinsky@yandex.ru

The article analyzes the role of Kirill Mikhailovich Zavadsky in the struggle against Lysenkoism, in developing and promoting of synthetic evolutionary theory (STE) in our country. Each of his major publications gave rise to critical discussions and strong negative voice of his ideological opponents. The opposition became more active in 1951 when Zavadsky was appointed to the position of the head of Darwinism department instead of I.I. Present. Since then he became a target for T.D. Lysenko's and his assistants who many times appealed to the state government asking for punishment for Zavadsky as he was an enemy of Michurin's biology. Zavadsky successfully work in many different fields of knowledge: theoretical and experimental, in biology, historian and philosopher of science; he was a scientist and science organizer, worked as a teacher. He contributed well to the experimental research of driving forces of evolution (struggle for existence and natural selection) and of the structure of plant populations. He developed original concept of species and speciation and proposed classification of basic levels of living matter, allotted criteria and objective laws of progress, and also made a research of main stages of the development of evolutionary thought from Charles Darwin to the 1970-s. In 1947–1977 Zavadsky collaborated with many Russian biologists whose works became an honor of Russian science, and who appreciated not only his own work but also his efforts to institutionalize evolutionary research in the USSR.

Keywords: Zavadsky Kirill Mikhailovich, Leningrad University, Institute for the History of Science and Technology, synthetic evolutionary theory, history of biology